

С.Л.Шараков, В.В.Дудкин

ИДЕИ СОЦИАЛЬНОГО ХРИСТИАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО В 50—60-Е ГОДЫ

На материале художественных произведений и публицистики Ф.М.Достоевского середины 50-х и первой половины 60-х годов рассматривается выражение в творчестве писателя идей социального христианства, а также указывается на несоответствие этих идей традиционным христианским представлениям.

Ключевые слова: оправдание, покаяние, социальное христианство, Ф.Р.Ламенне, Ф.М.Достоевский, В.Гюго, христианское мирозерцание

Цельное христианское мирозерцание начинает складываться у Достоевского в послекаторжные годы. Этот процесс не был линейным. С одной стороны, в нем начинают формироваться начала христианского мирозерцания — так он задумывает статью о христианском искусстве; с другой стороны, его христианские представления не выходят из круга социальных идей, так что христианство Достоевского 50-х — начала 60-х гг. можно назвать *социальным христианством* [1].

В чем суть этого направления мысли?

Одним из основателей социального христианства был Ф.Р.Ламенне, который произвел ценностную перестановку между внутренним и внешним: он связал грех с социальностью: «Бедность — дочь греха <...>. Хотите вы потрудиться на уничтожение бедности, — трудитесь на уничтожение греха, сначала в себе, затем в других, а затем — рабства в обществе» [2, с. 23-24]. Заповедь любви здесь не путь к исцелению души, не путь к единению с Богом, а путь к социальной справедливости. Такое мирозерцание не предполагает покаяния, оно обходится без него. Но содержание покаяния — исправление, перерождение человека — это то, без чего христианская мысль не может обойтись. И в этом смысле, правильнее будет говорить не об отсутствии идеи покаяния в социальном христианстве, а о замещении покаяния другими понятиями.

Социальная справедливость как таковая имеет свою логику, которая выражается в двух требованиях — в требовании обличить тех, кто нарушает социальную справедливость, и в требовании восстановить права тех, кто претерпевает социальную несправедливость. Пафос обличения не был близок Достоевскому, поэтому идеи социального христианства у писателя в указанный период выражаются в идее оправдания «униженных и оскорбленных».

В романах «Село Степанчиково и его обитатели» и «Униженные и оскорбленные» идеи социального христианства получают свое художественное выражение.

Так, в образах полковника Ростанева и Фомы Опискина противопоставляются два типа духовно-нравственной жизни. Фома являет тип фарисея, лицемера, ханжи: «Он читал вслух душеспасительные книги, толковал с красноречивыми слезами о разных христианских добродетелях; рассказывал свою жизнь и подвиги; ходил к обедне и даже к заутрене, отчасти предсказывал будущее; особенно хорошо умел толковать сны и мастерски осуждал ближнего» [3, с. 8]. Он из тех, которые говорят, и не делают. Полковник Ростанев, напротив, не говорит, но делает: «Трудно было себе представить человека смиреннее и на все согласнее. Если б его вздумали попросить посерьезнее довести кого-нибудь версты две на своих плечах, то он бы, может быть и довел: он был так добр, что в иной раз готов был решительно все отдать по первому спросу и поделиться чуть не последней рубашкой с первым желающим» [3, с. 5]. Ростанев выполняет, по сути, евангельские заповеди: «И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф. 5: 40-42).

Если Фома осуждает, Ростанев, наряду с добрыми делами, оправдывает и, в первую очередь, самого Фому: «Все странности Фомы, все неблагородные его выходки дядя тотчас же приписал его прежним страданиям, его унижению, его озлоблению... он тотчас же решил в нежной и благородной душе своей, что с страдальца нельзя и спрашивать как с обыкновенного человека; что не только надо прощать ему, но, сверх того, надо кротостью утешать его раны, восстановить его, примирить его с человечеством» [3, с. 15].

Для Достоевского этого времени не осудить человека означает его оправдать.

Барон А.Е.Врангель познакомился с Достоевским в середине 50-х годов, когда тот был на вольном поселении. Он отмечает снисходительность писателя к людям: «Он находил извинение самым худым сторонам человека, все объясняя недостатком воспитания, влиянием среды, а часто даже натурой и темпераментом...» [4, с. 352-353]

Но стратегия оправдания может быть полезна только как часть духовного делания. Если же оправдание получает принципиальное значение переноса вины с человека на обстоятельства, это становится серьезным искажением христианского вероучения.

Из идеи оправдания, восстановления человека вырастает роман 1861 года «Униженные и оскорбленные». В этом произведении вина с героев полностью не снимается: она состоит в том, что социальная несправедливость рождает в людях гордость, которая становится причиной того, что герои оскорбляются. Перед ними стоит задача — победить свою гордость и простить тех, кто их оскорбил.

Гордость, рожденная от унижения, ожесточает и препятствует движению добра в человеке. Здесь, как и в «Бедных людях», есть желание войти во внутренний мир человека. И отчасти это удается: изображение борьбы героев с гордостью является изображением внутренней жизни. Но та борьба добра со злом, что происходит в человеческих душах, здесь подменяется борьбой между добрыми и эгоистичными. В этом смысле, слова Николая Ихменева об униженных и оскорбленных выражают главную идею романа: «О! пусть мы униженные, пусть мы оскорбленные, но мы опять вместе, и пусть, пусть теперь торжествуют эти гордые и надменные, унизившие и оскорбившие нас. Пусть они бросят в нас камень!» [3, с. 422]. То есть, опять получился социальный роман, который не случайно понравился Н. Добролюбову.

Со времени написания первого романа прошло 15 лет, а социальное, внешнее до сих пор преобладает на внутренним. Происходит, в этом смысле, топтание на месте. Образ Фомы Опискина, как известно, это сатира на Гоголя и его книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». Прошло десять лет после того, как его арестовали за чтение запрещенного письма Белинского к Гоголю с резкой критикой этой книги. И вот Достоевский словно бы возвращается к тем же мыслям и идеям, которые проповедовал Белинский.

Идеи социального христианства здесь занимают важное место.

Белинский противопоставляет учение Христа Церкви: «Он (Христос. — С.Ш.) первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор было спасением людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, — чем и продолжает быть до сих пор. Но смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века» [5, с. 214]. Спасение людей здесь понимается в социальном смысле, в смысле свободы, равенства и братства. Получается, что подвиг искупления целью своей имел социальное благополучие, царство на земле. Все христианство здесь сводится к способности сострадания: «Кто способен страдать при виде чужого страдания — тот носит Христа в груди своей...» [5, с. 218]. И далее Белинский скажет о том, что Гоголь не понял «ни духа, ни формы христианства нашего времени» [5, с. 218]. Из контекста письма и, в целом, мировоззрения Белинского следует, что под духом и формами «современного христианства» понимаются как раз идеи социального христианства.

В статьях начала 1860-х гг. контекст *социального христианства*, в котором оцениваются идеи западников и славянофилов, просматривается у Достоевского достаточно ясно.

В статье 1862 года «Два лагеря теоретиков» понятия нравственного преобразования и самоосуждения раскрывают не отношения человека с Богом, как это принято в святоотеческом богословии, а социальные отношения. Под нравственным преобразованием, соответственно, имеется в виду призыв к интеллигентному слою отказаться от «сословных предрассудков» и «эгоистических взглядов». А под самоосуждением понимается признание народом своих недостатков. Характерно, что проявление способности народа к самобичеванию писатель находит у Щедрина, в художественном мышлении которого личное покаяние отсутствует как категория. Здесь же мы встречаем представление о *московском идеале Руси православной* как о религиозной односторонности, которому противопоставляется *свежий воздух* русского раскола: «Бывают такие времена в жизни народа, что в нем особенно чувствуется потребность выйти на свежий воздух, какое-то особенное недовольство настоящим, потребность чего-то нового. Несомненно, что ближайшее время к Петру уже народ чувствовал народ *худобу* (выделено Достоевским. — С.Ш.) жизни, заявлял свой протест против действительности и пытался выйти на свежий воздух... Так по крайней мере понимаем исторический факт — наш раскол» [6, с. 14]. «...На что указывает русский раскол?.. Замечательно, что ни славянофилы, ни западники не могут как должно оценить такого крупного явления в нашей исторической жизни. Это, конечно, происходит оттого, что они теоретики. По их теории действительно не выходит, чтоб в расколе было что-нибудь хорошее. Славянофилы, лелея в душе один только московский идеал Руси православной, не могут с сочувствием отнестись к народу, изменившему православию...» [6, с. 20]

Формула *социального христианства* будет дана в «Предисловии к публикации перевода романа В.Гюго «Собор Парижской Богоматери»»: «Его (В.Гюго. — С.Ш.) мысль есть основная мысль всего искусства девятнадцатого столетия <...>. Это мысль христианская и высоконравственная; формула ее — восстановление погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков. Эта мысль — оправдание униженных и всеми отринутых парий общества» [6, с. 28-29].

Здесь наблюдается значительное искажение христианского вероучения в отношении понимания коренной болезни человека. Причина подавленности, болезни человека не в гнете обстоятельств, несправедливо обрушенных на него, а в грехе. Грех — это не то, что приходит извне, а то, что зарождается в человеке. Грех есть заблуждение воли, поэтому восстановление от греха не связано с социальным оправданием. От болезни греха человека может избавить, оправдать может только Бог. От человека в ответ требуется покаяние. В состоянии покаяния человек видит себя хуже всех. Зрение своих грехов, бесчисленных, как песок морской, рождает новое видение — новозаветное видение себя и окружающего мира, другого человека.

Установка на социальное оправдание, напротив, неизбежно оживляет в человеке стратегию самооправдания, которое противоположно покаянию.

Важная деталь — мысль *высоконравственную и христианскую* писатель находит в романе В. Гюго «Отверженные». Эта оценка позволяет выявить характер его христианского мирозерцания в то время. Для этого следует посмотреть, что представляет из себя *высоконравственная и христианская мысль* в «Отверженных».

В предисловной части романа Гюго выводит образ праведника — католического епископа Мириэля. Это бесребренник, который все свое служение и свои материальные средства направил на помощь обездоленным, униженным и оскорбленным.

Но христианство ли это? Можно ли помогать ближним, быть добрым и сострадательным и не быть христианином? Можно. Суть христианства заключается в том, что Бог пришел к человеку спасти его для вечной жизни, чтобы в вечности человек смог быть с Богом. Спасается же человек не добрыми делами, а благодатью Бога, о чем пишет архиепископ Феофан (Быстров): «Вы спрашиваете: какое различие между естественно доброй жизнью и жизнью христианской? Различие очень большое. Христианин живет благодатной жизнью, а естественно добрый человек — безблагодатен. А какое значение имеет это обстоятельство, видно из того, что спасает нас благодать Божия, а не добрые дела. Добрые дела, и то совершаемые ради Христа и по духу заповедей Его, делают нас только способными к восприятию благодати Божией. Без благодати Божией, как бы добр человек ни был, не может спастись» [7, с. 156].

Наиболее отдаленность епископа от христианства проявляется в сцене исповеди, которую он принимает от члена Конвента. Это некий Ж., который умирает. Он говорит, что Бесконечное существует, епископ ему отвечает, что пришел последний час, который нужно посвятить Богу. И вот что изрекает перед смертью член Конвента: «Я видел злоупотребления — и боролся с ними <...>. Враг вторгся в нашу страну — и я защищал ее; <...>. Я никогда не был богат, теперь я беден. Я был одним из правителей государства; подвалы казначейства ломились от сокровищ, <...> а я обедал за двадцать су <...>. Я поддерживал угнетенных и утешал страждущих. Правда, я разорвал алтарный покров, но лишь для того, чтобы перевязывать раны отечества <...>. Случалось и так, что я оказывал помощь вам, своим противникам <...> я спас <...> монастырь. Я исполнял долг по мере сил и делал добро где только мог. После чего меня стали гнать, преследовать, мучить, меня очернили, осмеяли, оплевали, проклинали, осудили на изгнание. <...> Теперь мне 86 лет; я умираю. Чего вы от меня хотите? — Вашего благословения, — сказал епископ. И опустил на колени» [8, с. 58-59].

Сравним признания Ж. с молитвой фарисея из евангельской притчи: «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лк. 18: 11-14)

Ключевые слова члена Конвента: «Я разорвал алтарный покров, чтобы перевязывать раны отечества». Это символ разорения церкви как формы помощи людям. Бог при таком внутреннем устроении если и нужен, то только для того, что помочь создать Царство на земле.

В образе исповеди члена Конвента проявляется духовно-нравственная проблематичность *социального христианства*.

Отношение с Богом, сведенное к исполнению правил, к доброделанию, называется законничеством, которое рождается из неправильного понимания тайны искупления. Когда человек пытается ответить на искупительный подвиг Христа, он опытно постигает, что не может в полноте этого сделать. Из этого опыта рождается покаянное осознание своих грехов. Только на этом пути можно приблизиться к Богу: «Чем выше человек по святости, тем глубже у него сознание своей греховности. И наоборот, чем обыкновеннее человек, тем слабее у него сознание своей греховности, а у большинства оно и совершенно отсутствует. Поэтому-то большинство людей и не понимает подвига покаяния и не чувствует потребности в этом подвиге» [7, с. 182].

У члена Конвента нет этого осознания греховности, его сердце не требует покаяния. Он понимает отношения с Высшим Существом, как исполнение правил, которые требует Бог. По факту, человек сам моделирует свод правил, которые он принимает к исполнению. Исполняя самим заданный свод правил, он видит себя не хуже других, что становится причиной осуждения и самооправдания.

Законничество — это искажение духовной жизни, но даже такую жизнь принимает Бог. Главная проблема здесь в епископе, который своим поклоном признает законничество нормой духовно-нравственной жизни.

Таким образом, следует констатировать, что, с одной стороны, у Достоевского в 1850—60-е годы начинает складываться христианское мирозерцание, с другой же стороны, оно осложнено идеями социального христианства. В сознании писателя неясность христианского мировидения выражается в подмене идеи покаяния идеей оправдания / восстановления.

Но уже в 1864 году в «Записках из подполья» появляется мотив покаяния в его противопоставлении самооправданию.

1. Кибальник С.А. «Христианский социализм» или «социальное христианство»? (Гоголь и Достоевский в истории русской социально-философской мысли) // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 3. С. 70-94.
2. Ламенне Ф.Р. Слова верующего. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1906. 106 с.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. Ленинград: Наука, 1972. 543 с.
4. Врангель А.Е. Из «Воспоминаний о Ф.М.Достоевском в Сибири» // Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. Лит., 1990. 623 с.
5. Белинский В.Г. Письмо к Н.В.Гоголю // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 10. М.: Издательство АН СССР, 1956. 474 с.
6. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 20. Ленинград: Наука, 1980. 432 с.
7. Феофан (Быстров), архиепископ. Сия вера отеческая. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. 224 с.
8. Гюго В. Отверженные // Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. 672 с.

References

1. Kibal'nik S.A. "Khristianskiy sotsializm" ili "sotsial'noe khristianstvo"? (Gogol' i Dostoevskiy v istorii russkoy sotsial'no-filosofskoy mysli) ["Christian socialism" or "social Christianity"? (Gogol and Dostoevsky in the history of Russian socio-philosophical thought)]. Problemy istoricheskoy poehtiki, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 70-94.
2. Lamenne F.R. Slova veruyushchego [The words of a believer]. St. Petersburg, 1906. 106 p.
3. Dostoevskiy F.M. [Complete works in 30 vols, vol. 3]. Leningrad, 1972. 543 p.
4. Vrangeli' A.E. Iz "Vospominaniy o F.M.Dostoevskom v Sibiri" [From "Memories of F.M.Dostoevsky in Siberia"]. In: F.M.Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov [in 2 vols, vol. 1]. Moscow, 1990. 623 p.
5. Belinskiy V.G. Pis'mo k N.V.Gogolyu [Letter to N.V.Gogol]. In: Belinskiy V.G. [Complete works in 13 vols, vol. 10]. Moscow, 1956. 474 p.
6. Dostoevskiy F.M. [Complete works in 30 vols, vol. 20]. Leningrad, 1980. 432 p.
7. Feofan (Bystrov), arkhiepiskop. Siya vera otecheskaya [This faith is fatherly]. Moscow, 2006. 224 p.
8. Gyugo V. Otverzhennyye [Outcast]. In: Gyugo V. [Works in 15 vols, vol. 6]. Moscow, 1954. 672 p. (In Russ.). [Orig. Hugo V. Les Misérables. Paris, 1862].

Sharakov S.L., Dudkin V.V. Ideas of social Christianity in the works of F.M.Dostoevsky in the 50—60s. Based on the works of art and publicistics by F.M.Dostoevsky of the mid 1850s and the first half of the 1860s, the expression of ideas of social Christianity is considered in the writer's creativity, and also the discrepancy of these ideas with traditional Christian ideas is pointed out.

Keywords: justification, repentance, social Christianity, K.R.Lamenne, F.M.Dostoevsky, V.Hugo, Christian worldview.

Сведения об авторах. Сергей Леонидович Шараков — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Дома-музея Ф.М.Достоевского в Старой Руссе; ssharakov@yandex.ru; Виктор Викторович Дудкин — доктор филологических наук, профессор; НовГУ имени Ярослава Мудрого; viktordudkin1@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к публикации 20.03.2019.